

Андрей Садовин

Сказание об учёных
граблях

Андрей Садовин

Сказание об учёных граблях

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70571818

SelfPub; 2024

Аннотация

В деревню Несуразку, расположенную на отшибе цивилизации, из города приезжает учёный по фамилии Аспирантов с намерением основать в этой местности новое крупное поселение. Это запускает цепочку странных и явно не лишённых некоторой сверхъестественной составляющей событий с участием автомобиля, колодца, граблей и, разумеется, ворон, чувствующих презрение к отвратительному звучанию собственных же криков. Читать только на свой страх и риск.

Андрей Садовин

Сказание об учёных граблях

Некогда деревня Несуразка, чьё наиболее точное местоположение самые образованные географы планеты определяли как «где-то на территории бывшего Советского союза, между Кавказом, Гималаями и Верхоянским хребтом», состояла всего из трёх улиц и двух колодцев, а уж гаражей для автомобилей в ней не было вовсе.

По этой причине примерно год назад один предприимчивый и особо не наделённый способностью рационально мыслить, так же, как и гаражом для машины, деревенский мужик, сказав: «Нам и одного-то колодца много будет, ну а два – это уж совсем!» – въехал на своей старенькой «Ниве» в тот из двух колодцев, что находился ближе к его дому. Довольный тем, что он наконец-таки обзавёлся такой полезной в деревенской жизни вещью, как гараж, мужик попытался вылезти из машины, однако зажатая каменной стеной колодца дверь по какой-то совершенно непонятной и, вполне возможно, сверхъестественной причине наотрез отказывалась открываться, так что мужику пришлось провести всю ночь, лёжа на лобовом стекле перевернутой машины, через которое виднелась поблёскивавшая при лунном свете вода.

Вряд ли вы сможете себе представить выражение лица жены этого несчастного, когда та, взгромоздив себе на спину коромысло, с совершенно невинным видом подошла к колодцу, из которого черпала воду на протяжении всей своей сознательной жизни до этого, и увидела торчащую оттуда заднюю часть «Нивы» своего драгоценного супруга.

Вскоре виновник происшествия был вытаскен из машины через заднюю дверь её багажника и внимательно выслушан. Тогда деревенские мужики, осознав, каких трудов после и без того нелёгкого дня им будет стоять вытащить машину из дыры, быстро согласились с суждением её владельца о полном отсутствии какого-либо смысла в наличии в деревне второго колодца и как можно быстрее разошлись по своим делам. А в это время их жёны, вздыхая и охая, побрели со своими вёдрами через всю деревню в сторону единственного оставшегося в ней рабочего колодца.

Стоит сказать, что до этого момента жизнь в Несуразке шла весьма скучно и однообразно, в основном, потому что у здешних мужиков не было такого места, где они могли бы собраться и после трудоёмкого дня завести разговор по душам. Теперь же, когда в деревне появился, хоть и весьма условный, но всё же какой-никакой гараж, вышеописанные сборы стали проводить именно здесь, как в наиболее подходящем для них месте. С этих пор каждый вечер деревенские мужики стали приходить к «Ниве» и, любуясь закатным небом, общаться с соседями на различные волнующие их умы те-

мы, будь то сбежавшая на днях корова или загоревшийся на солнце стог сена, а также обсуждать то, как они когда-нибудь эту «Ниву» оттуда вытащат.

В свою очередь, тот мужик, которому вся деревня была обязана появлением в ней столь важного для культурного обогащения населения места, через какое-то время стал известен во многих расположенных неподалёку населённых пунктах, и вскоре со всей окрестности в Несуразку стали съезжаться люди, желавшие посмотреть на его красовавшийся высунутым из колодца багажником автомобиль. Мужика этого звали Дордымир Тартымищев, однако почему-то все жители деревни предпочитали обращаться к нему лишь по отчеству – Петрович.

Ещё долгое время в округе вспоминали этот случай с «Нивой» Петровича. Его бы вспоминали и дальше, если бы в один день умами жителей деревни не завладело другое, не менее любопытное известие. В самый разгар обещавшего быть жарким лета в Несуразку из города собирался приехать учёный человек по фамилии Аспирантов. Жители соседних деревень рассказывали, что этот Аспирантов уже более двух месяцев объезжает все окрестные поселения в поисках места, на котором можно было бы построить новый город.

Так получилось, что в пределах ближайших пятисот километров от Несуразки не было ни одного крупного населённого пункта, на благо которого можно было бы направить все те бесчисленные ресурсы, что имелись в распоряжении мест-

ного населения. Единственным оплотом современной цивилизации во всей округе являлась расположенная неподалёку от Несуразки бензоколонка, уже более двадцати лет принимавшая оплату посредством натурального обмена, которая после того злосчастного случая с колодцем потеряла своего последнего клиента и вскоре вовсе закрылась.

Как раз для борьбы с этой проблемой к ним и был направлен Аспирантов. Было очевидно, что в ближайшие числа он посетит Несуразку, а значит, ему понадобится временное место жительства, из чего следовало, что кому-то из местных жителей придётся предоставить ему кров. Встал вопрос: «Кому именно?» Именно он и стал главной темой разговора на очередном приколодцевом собрании. Владелец единственного в деревне двухэтажного дома тут же открестился от этой великой чести, сославшись на то, что будто бы у него сквозь пол первого этажа проросла гигантская яблоня, которая на днях начала нести плоды, так что яблоки засыпали дом настолько, что в нём и хозяевам-то жить было тесно. Похожие оправдания были произнесены и остальными жителями деревни, вследствие чего в конце концов все взгляды устремились на Петровича, чей запас воображения был полностью исчерпан в ходе уже известного читателю машинно-колодцевого происшествия.

Через неделю Аспирантов наконец объявился в Несуразке и тут же был заселён в дом Петровича, в сенях которого для него уже успели приготовить спальное место, представляв-

шее из себя наваленную у стены горку относительно свежего сена, служившую матрасом, да вытащенную из «Нивы» шитую накидку для сидения, служившую одеялом. Аспирантов оказался невысоким мужчиной лет сорока, уже утратившим красоту молодости, но ещё не успевшим приобрести седой цвет волос старости. За предоставленный ему кров он быстро расплатился с Петровичем какими-то бумажками, которые тот тут же отдал соседским детям (своих собственных детей у Петровича не было, поскольку, как часто причитала его жена: «С таким-то мужем как-то уж и не до детей!»).

В первый же день своего пребывания в Несуразке Аспирантов несколько раз оббежал со своим блокнотом всю деревню вдоль и поперёк, занырнул в каждый куст и даже пару раз залез на один достаточно высокий дуб (правда, оба раза он чуть с него не свалился, еле успев ухватиться за ближайшую ветку).

Стоя со своим соседом Радеевичем у края дороги и смотря, как Аспирантов измеряет каким-то загадочным прибором торчавший из колодца багажник машины, Петрович произнёс:

– Я не удивлюсь, если он и к вечеру не уйдёт оттуда.

– Да уж, – вздохнул Радеевич, – горожане – народ удивительный! К слову, как ты думаешь, что это за бесовский агрегат у него в руках?

– Помнится, у Степановича я видел похожую штуку. Он ей одно время круги на бумаге чертить пытался, но потом

плюнул и променял её на молоток, – вспомнил Петрович, – Правда, та штука была сильно меньше.

– В таком случае, зачем этому светиле науки рисовать круги на твоей машине? – недоверчиво спросил Радеевич, указывая рукой на Аспирантова, прислонившегося животом вплотную к порыжевшему от ржавчины боку машины.

– Не знаю, может быть, он нам проход к воде просверлить хочет...

В тот же вечер, перед тем как пойти в гараж, Петрович случайно столкнулся взглядом со стоявшим у открытого окна Аспирантовым, который, раскидав свои разрисованные различными чертежами бумаги по едва освещённому подоконнику, задумчиво смотрел на улицу через открытое окно.

– Признаться честно, – заговорил в этот момент Аспирантов, – Я диву даюсь, почему в вашей деревне так мало людей. Место ведь ровнёхонькое, а воздух чище воды! Кстати, насчёт воды... – он на пару мгновений задумался. – Речка эта ваша, Соломка, если я не ошибаюсь, тут у вас выглядит намного живописнее, чем в соседних деревнях. Да и закаты у вас гораздо красивее, нежели в городе. К вам, случаем, художники-живописцы какие-нибудь не приезжали? – Петрович отрицательно покачал головой. – Ну ничего, мы это исправим. Я напишу статью про вашу деревню. Тут ведь поле непаханое всякого прекрасного! Картины можно по аукционам порассылать, воду для продажи поначерпать, не знаю, хозяйств фермерских понаделать. Ровнёхонькое же место!

Вскоре Аспирантов закончил все свои расчёты, но перед тем, как уезжать, остался в Несуразке ещё на пару деньков, просто чтобы понаблюдать за деревенской жизнью.

– Это, я полагаю, грабли? – спросил как-то он, указывая пальцем на стоявший у стены слегка потасканный временем инструмент.

– Ну не лопата же! – усмехнулся Петрович.

– Это я знаю, – слегка обиженным тоном произнёс Аспирантов. – У лопаты черенок ровный и широкий, а тут где-то десять узких зубьев.

– Зубьев... – снова усмехнулся Петрович, – Надо бы подточить эти зубья, а то что-то они совсем затупились, – с этими словами он достал из стоявшего неподалёку ведра точило и уселся на стул, держа грабли в руках.

– Определённо, русский язык волшебен! – выдохнул тогда Аспирантов.

– Это вы вообще к чему? – слегка раздражённым тоном поинтересовался Петрович, проведя точилом по лезвию грабель.

– Просто вы сказали, что зубья затупились, ну, то есть стали тупыми, – пояснил Аспирантов.

– Удивительно! – не отрываясь от работы, буркнул себе под усы Петрович.

– Именно, что удивительно! – ничуть не смущённый сарказмом в голосе собеседника, продолжал Аспирантов. – Ведь прилагательное «тупой» в русском языке также имеет значе-

ние «глупый», то есть, «короткий в уме», но вы употребили это слово, имея в виду «неострый», что тоже является одним из значений этого прилагательного.

– Это как-то мешает мне их точить? – спросил тогда Петрович, усиленно пытаясь вспомнить, имел ли он в действительности что-нибудь в виду.

– Разумеется, нет. Точите себе на здоровье! – сказал Аспирантов. – Просто я говорю про то, как интересно одно слово может принимать сразу несколько значений, которые, вроде бы, и схожи между собой с одной стороны, но совершенно различны с другой.

– Уж не знаю, что такого вы нашли в этом слове, – сказал Петрович. – Как по мне, «тупой» – он тупой и есть. Без каких-то там значений.

– Но позвольте, – запротестовал Аспирантов, – Ведь если бы «тупой», как вы говорите, был бы тупым без всяких значений, то в таком случае получается, что, заостря тупые грабли, вы одновременно с лезвием можете заострить им и ум, то есть после процедуры точения грабли могут стать умными, а ведь это невозможно... Ну, или, по крайней мере, маловероятно.

– Так это невозможно или маловероятно? – уточнил тогда Петрович, еле сдерживая вызванную столь поразительными умозаключениями собеседника улыбку.

– По правде говоря, я не могу дать вам точный ответ на этот вопрос, – задумчиво произнёс Аспирантов, – Ведь, если

отталкиваться от различных философских теорий, то можно прийти к выводу о том, что человек не знает и, быть может, так никогда до конца и не узнает все физические возможности окружающих его объектов, а это значит, что, быть может, даже такой, казалось бы, хорошо изученный предмет, как грабли, после очередной заточки может...

– Обрести разум? – закончили за Аспирантова только что подточенные Петровичем грабли, после чего учёный чуть не свалился со стула от неожиданности и удивления.

Весь оставшийся день Аспирантов провёл вместе с так внезапно ожившими граблями, обучая их грамматике. Потом он дал граблям почитать привезённые им с собой научные книги, а затем показал им результаты работы, проделанной им в ходе его двухнедельного пребывания в деревне. Правда, граблям его чертежи с расчётами не особо понравились, вследствие чего у них с Аспирантовым завязался небольшой спор.

– Разве вы не осознаёте, что при воздействии на почву в таком масштабе, – говорили грабли, указывая на лежавшие на столе бумаги Аспирантова, – вы можете запустить череду необратимых эрозионных процессов, из-за которых вся земля в округе разрушится до такой степени, что на ней не то, что многоэтажное здание, а даже сарай опасно будет строить!

– Я прекрасно это понимаю, – оправдывался Аспирантов, – но я просто заметил, что природа в этой местности имеет волшебное свойство сосуществовать в гармонии с че-

ловеком, так что мне кажется, что и подобное, так скажем, не самое гуманное вмешательство она сможет пережить.

– Извините, но я не совсем улавливаю ход ваших мыслей, – нахмурились грабли, – Земля здесь ничем не отличается от земли в любом другом месте. Конечно, я не осмелюсь сомневаться в вашем профессионализме, поскольку вы – городской учёный, а я – деревенские грабли, но я просто хочу понять, чем, по вашему мнению, Несуразка отличается от, скажем, вашего родного города.

– В таком случае, я сейчас вам всё объясню, – сказал Аспирантов, после чего принял вид самого что ни на есть просвещённого и знающего своё дело профессионала и затем произнёс следующие слова тоном, означающим, что сказанное в полной мере и без малейшей возможности какого-либо дополнения донесёт до собеседника всё содержимое обсуждаемой темы и навсегда закроет вопрос: – Понимаете... Несуразка – это деревня.

На следующий день после этой беседы Аспирантов уехал сдавать свои наработки в расположенный в пятистах километрах от Несуразки город Городоград, но сперва на денёк заскочил к своей дорогой жене, жившей в пригороде. Аспирантова искренне возмутило то, как неуважительно деревенские мужики обращались со своими жёнами, и поэтому он дал себе клятву впредь как можно реже повышать голос на свою драгоценную супругу и проводить с ней как можно больше времени. По этой причине, стоило лишь ему войти в

квартиру к своей милейшей жене, с которой он из-за разъездов не виделся долгих три месяца, как он тут же повалился на стоявший у неё посередине гостиной диван и проспал там всю оставшуюся часть того дня вместе с доброй половиной следующего.

А пока Аспирантов спал, грабли в ускоренном темпе написали весьма немаленький отчёт обо всех ошибках и неточностях в расчётах этого светила науки и приложили к нему свой собственный план, в котором были исправлены все перечисленные в отчёте недостатки. Как только работа была закончена, Петрович тут же выпросил у Радеевича на время его велосипед и повёз исписанные граблями бумаги в Городоград, за пятьсот километров от Несуразки.

Стоит сказать, что на улице тогда стоял ясный летний день, так что Петрович мог в своё удовольствие ехать вдоль шедшей сквозь дремучий лес порядком изувеченной временно асфальтированной дороги, размеренно крутя педали и слушая при этом пение синиц, стрекотание скворцов и раздрающие душу оглушительные вопли ворон. И хотя Петрович достиг пункта назначения только к середине следующего дня, ему всё-таки удалось опередить Аспирантова.

Когда же наш городской профессионал вновь приехал в Несуразку, чтобы вступить в должность руководителя строительным процессом, он, к своему удивлению, обнаружил, что запущенный в работу план принадлежал не ему, а какому-то таинственному «Гражданину Г.», где «Г.», очевидно,

означало «Грабли».

Осознав это, Аспирантов также понял, что, по сути, своими собственными руками, а, точнее, своим собственным языком, произнёсшим гениальную речь про многозначность слова «тупой» в русском языке, лишил себя работы. После этого Аспирантова переполнила ярость, и тогда он в самый разгар тёмной беззвёздной ночи прокрался в сарай Петровича и нанёс Граблям несколько ударов топором, полностью погнув им все лезвия и раздробив черенок на мелкие кусочки.

Когда на следующее утро Петрович узнал об этом, он немедленно обвинил Аспирантова в совершении тяжкого преступления, вследствие чего через неделю присутствовавшие на слушании по этому делу в Городограде судьи были вынуждены обязать Аспирантова выплатить Петровичу штраф за убийство особенно важных для развития науки грабель в размере пятисот рублей.

В тот же день Аспирантов зарёкся возвращаться в Несуразку и отправился строить в промышленном районе Городограда очередной сверхтехнологичный и прорывной по части своей задумки небоскрёб с подземной автомобильной парковкой на крыше. Сделанные Граблями чертежи тоже куда-то затерялись, а потому вскоре за Аспирантовым последовала и вся строительная бригада, однако прямо перед тем, как навсегда покинуть Несуразку, строители с помощью грузоподъёмного крана всё-таки успели вытащить из колодца

злополучную «Ниву», которая, впрочем, теперь была абсолютно бесполезна, поскольку единственная в округе бензопилка прекратила работать ещё годом ранее.

Через несколько дней после этих событий Петрович обнаружил у себя в подвале ещё одни грабли и попробовал заточить их точно так же, как первые, однако данная затея закончилась лишь тем, что он их полностью сточил. Из-за этого Петровичу пришлось снова просить у Радеевича его велосипед, ехать в Городоград и с горем пополам выменивать там на рынке три ведра яблок на новые грабли. Благо, хоть в поиске яблок проблем не возникло, поскольку тот самый мужик, который некогда жаловался на проросшую сквозь его пол яблоню, теперь раздавал её плоды даром каждому желающему, так как ими уже засыпало весь его чердак.

Однако на этом неприятности не закончились, поскольку, лишившись излюбленного места для общих сборов, деревенские мужики загрустили и стали уговаривать Петровича вернуть его «Ниву» на её законное место. Впрочем, долго им надрываться не пришлось, и вскоре одним вечером они вместе с владельцем машины затолкали её обратно в колодец.

И всё же, несмотря на то, что жизнь в деревне, казалось, стала налаживаться, Петрович чувствовал себя всё хуже и хуже с каждым днём. Трагическая гибель Граблей оставила на его душе глубокую, почти физическую рану. Ведь, по сути, Грабли были первым разумным существом, полноценно поселившимся в доме Петровича и его жены, вследствие че-

го к ним стали относиться чуть ли не как к третьему члену семьи. Немаловажным было и то, что в тот самый день, когда произошла трагедия, Петрович вместе с Граблями только начал, фактически, с нуля осваивать технику обработки земли, в которой Грабли теперь принимали участие не как простой инструмент, а как почти второй человек. И всё это вмиг рассыпалось после дюжины ударов ржавого топора!

Немудрено, что несколько дней подряд после этого Петрович ходил сам не свой (он даже не приходил на вечерние собрания) и в конце концов слёг в кровать с какой-то очень серьёзной болезнью. К сожалению, все имевшиеся у жителей деревни лекарственные средства оказались бессильны в борьбе с этим недугом. И как бы много листьев подорожника жена Петровича не клала мужу на грудь, тот продолжал хиреть прямо на глазах.

Вряд ли эта история закончилась бы счастливо, если бы вскоре в деревне не появился один человек, которого звали Николай Антонович Шприцов. Откуда-то он узнал о судебном деле по поводу убийства Граблей, заинтересовался им и приехал из Городограда в Несуразку, чтобы порасспрашивать о нём местных жителей и, быть может, даже написать на эту тему статью в газету. Ко всеобщему счастью, Шприцов оказался квалифицированным городским врачом, а потому, узнав о тяжёлом состоянии Петровича, он в скором времени провёл осмотр больного, после чего дал ему кое-какие таблетки из своей аптечки и поехал в город за остальными

необходимыми лекарствами.

Спустя неделю после начала лечения Петрович наконец пошёл на поправку, а ещё через шесть дней и вовсе вновь встал на ноги. После этого он с ещё большим усердием, чем прежде, стал работать в поле, отныне стараясь больше не вспоминать про ту ужасную драму, что некогда развернулась в стенах его сарая.

Выполнив свою работу и попутно узнав все так интересовавшие его подробности дела о Граблях, Шприцов вернулся в Городоград, где на днях ему предложили должность заведующего одним из отделений больницы, в которой он работал. Однако мужчине уже было всё равно на его врачебную карьеру, поскольку все его мысли заняла Несуразка и осознание того, что даже обитатели такого чарующего своим уютом места испытывали нужду, но только нуждались они не в огромном ресурсозатратном городе, разрушающем своим собственным весом землю под собой, а в более простых и, казалось бы, совершенно обыденных для городского жителя вещах. Одной из таких вещей был врач.

Достигнув в своих размышлениях всех этих выводов, Шприцов в том же месяце продал свою городскую квартиру и не без помощи деревенских мужиков отстроил в Несуразке для себя небольшую избушку. Размеренная, спокойная и несколько причудливая деревенская жизнь пришлась мужчине по душе, так что ему не потребовалось много времени для того, чтобы найти общий язык с местными жителями

и из «какого-то там городского врача Шприцова» стать для обитателей Несуразки «здешним доктором Антонычем».

С этих самых пор доктор Антоныч стал неотъемлемой частью деревни. Ежемесячно он ездил на своей машине в город, где продавал привезённый в специальном прицепе урожаи. На вырученные деньги Антоныч покупал новые лекарства для жителей Несуразки, заполнял бак своего автомобиля бензином и ехал обратно в деревню.

Несмотря на одолевавшую его в конце каждого дня усталость от полевых и врачебных работ, Антоныч не упускал ни единой возможности прийти вечером к «Ниве» и пообщаться там с обитателями деревни, лица которых за весьма короткий срок уже успели стать ему родными. Стоит сказать, что местные жители всегда очень внимательно слушали учёные речи Антоныча, вследствие чего он, польщённый таким тёплым приёмом, с удовольствием рассказывал своим новым соседям про различные научные открытия современности, а те, в свою очередь, учили его перебарывать в себе желание бросить камень в голосащего ранним утром на всю улицу петуха.

После заката Антоныч любил сидеть на крыльце своего дома и окидывать взором то простиравшееся высоко над ним безграничное звёздное небо, то росший прямо за его забором высокий старый дуб (тот самый, с которого дважды чуть не упал Аспирантов), то отливавшую холодным лунным свечением реку, которая бежала вдоль пёстрой полосы распа-

ханных полей и скрывалась где-то среди черневшего на горизонте леса. Смотря на всё это, Антоныч глубоко вздыхал и всё никак не мог выкинуть из своей головы мысль о том, что даже при всём своём желании он не сможет лечить жителей Несуразки вечно, так что после того, как его не станет (каким бы далёким этот момент ни был), всё в конце концов вернётся на круги своя. И как бы Антоныч ни старался, ему всё равно никогда не получится решить эту проблему. Сделать это могли лишь Грабли, однако они были убиты тем же обезумевшим от ярости городским учёным, который их и создал.

Выходило, что однажды Аспирантов, сам того не сознавая, произнёс удивительно правдивые слова. Место тут действительно было ровнёхонькое.